

Е.П. Новиков

Православие у чехов

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е11

Е11 **Е.П. Новиков**
Православие у чехов / Е.П. Новиков – М.: Книга по Требованию, 2021. – 99 с.

ISBN 978-5-458-09021-6

ISBN 978-5-458-09021-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

силою своего убѣжденія защищаетъ Гуситскихъ Писателей XVII столѣтія. Мнѣніе Палацкаго онъ считаетъ какъ бы посягательствомъ на честь цѣлаго народа, затронутую въ лицѣ благороднѣйшихъ его представителей. Отстоятъ достоинство и правдивость показаній Чешскихъ изгнанниковъ, которые въ XVI и XVII стол. глубоко вѣрили въ духовное братство своего народа съ Православною Церковію—вотъ главная мысль г. Елагина. Его разсужденіе столько же критика на Исторію Палацкаго, сколько панегирикъ Гуситскимъ писателемъ. Посмотримъ на это первое отношеніе, и постараемся, сколько возможно, помирить его взглядъ съ *Исторіей Чехіи*.

Г. Елагинъ даетъ полную вѣру показаніямъ Гуситовъ, во первыхъ, на томъ основаніи, что они не могли не знать истины, пользуясь устнымъ преданіемъ и богатыми книгохранилищами, которыя были еще цѣлы въ XVI в., а нынѣ утратились, истребленныя систематическимъ изувѣрствомъ Іезуитовъ. Потомъ, допуская возможность заблужденія съ ихъ стороны, тѣмъ не менѣе упрекаетъ Палацкаго въ томъ, что онъ, посвятившій подробное изученіе Гайковой лѣтописи, не обратилъ на нихъ никакого вниманія, и даже не счелъ нужнымъ опровергать ихъ.— Дѣйствительно, Чешскій народъ, живя почти исключительно духовною жизнію отъ Гуса до битвы на Бѣлой Горѣ, успѣлъ въ Богословской Литтературѣ своей накопить богатые опыты двухвѣковаго существованія. Если всѣ этѣ сокровища Чешской письмен-

ности Грековосточныхъ преданій въ Чехіи, а только оспаривалъ мнѣніе Латинскихъ Писателей, что Римская Вѣра со всѣми своими обрядами непоколебимо стояла въ этой странѣ до самаго Гуса. Онъ раздѣляетъ Церковную Исторію Чехіи на 4 періода: 1) Греческій, отъ IX до исхода X вѣка; 2) Латногреческій, въ XI и XII; 3) до Гуса, ознаменованный попытками его трехъ предшественниковъ *преобразовать Латинскую Вѣру*; 4) Гуситскій. Въ Гусѣ онъ видитъ неразвившагося Протестанта. Новѣйшіе Нѣмецкіе писатели, большею частію, отвергають всякую связь между Греческой и Чешской Церковію. Но есть и въ Германіи отрадныя явленія ученыхъ, которые возвращаются къ истинному взгляду на Церковныя движенія Чехіи. Таковъ Кёппенъ въ своей прекрасной монографіи о Церковномъ устройствѣ общины Чешскихъ и Моравскихъ Братьевъ. Въ самой Чехіи въ XVIII ст. уже не было слышно ни одного голоса въ пользу Греческой Церкви. Добровскій до послѣднихъ лѣтъ жизни отвергалъ Славянскую Литургію въ Чехіи. Добнеръ защищалъ ее, но также, какъ Бальбимъ, съ сохраненіемъ въ силѣ Латинскихъ обрядовъ. Корнова въ своихъ замѣчаніяхъ на Странскаго считаетъ мысль о Греческомъ исповѣданіи въ Чехіи чистымъ вымысломъ Гуситовъ.

ности были доступны Гуситскимъ писателямъ конца XVI и начала XVII столѣтія, то мнѣнія ихъ получаютъ тѣмъ самымъ необыкновенную важность. Но такъ ли было на самомъ дѣлѣ? Г. Елагинъ указываетъ на Амоса Коменскаго и безыменныхъ его сотрудниковъ. Онъ выбралъ именно самыхъ бѣдныхъ писателей въ отношеніи къ богатству данныхъ и къ исторической критикѣ. Преданіе устное сохранилось у нихъ, большею частію, только въ скудныхъ, безсвязныхъ отрывкахъ; въ первобытной Исторіи Чехіи они цѣлыя столѣтія проходятъ въ совершенномъ молчаніи. Письменныхъ памятниковъ было у нихъ подъ руками еще меньше, когда они видѣли необходимость прибѣгать къ баснословному Гайкѣ. Даже лѣтопись Козьмы была неизвѣстна Коменскому ². Извѣстіе о важныхъ переговорахъ Короля Вратислава съ Григоріемъ VII о возвращеніи Славянскаго языка при Богослуженіи заимствовано имъ прямо изъ Хроники Гайка. Извѣстіе о первомъ поселеніи Вальденцевъ въ Чехіи, важное особенно по тому, что оно единственное во всей Исторіи, взято Странскимъ, другимъ Гуситскимъ Писателемъ, изъ того же источника ³. Все крещеніе Чешской земли у Коменскаго извлечено въ сокращеніи изъ Исторіи Дубравскаго, который въ Чешской исторіографіи раздѣляетъ съ Гайкомъ славу безстыднаго и умышеннаго искаженія истины. Изгнанники Чешскіе писали въ то время, когда, съ одной стороны, преданія древности уже утратили первоначальную чистоту подъ перомъ писателей неблагонамѣренныхъ, съ другой не всходили еще и первые лучи возсоздающей критики въ ученомъ трудѣ патріота Бальбина. Вотъ два отношенія, которыми вполне опредѣляется степень ихъ достовѣрности. Гонимые, страждущіе, они не могли имѣть подъ руками тѣхъ важныхъ источниковъ, которые были еще цѣлы въ XVI вѣкѣ, но не для нихъ, а искажались спокойно привилегированной кастой Іезуитовъ. *Гдѣ же неопровержимыя доказательства, которыми они подкрѣпили свои показанія?* Сочинитель статьи объ Исторіи Чехіи нигдѣ не приводитъ ихъ, а всѣ доводы въ пользу своего мнѣнія заим-

² Потому что извѣстіе о запрещеніи Греческой Литургіи въ Чехіи при Болеславѣ II заимствовано не изъ Папской Буллы, помѣщенной у Козьмы, а прямо переписано изъ Исторіи Дубравскаго.

³ Палацкій въ оцѣнкѣ старинныхъ Чешскихъ историковъ причисляетъ его къ Гайковой школѣ. Но важные факты, передаваемые имъ съ указаніемъ на источники, теперь уже утраченные, даютъ его показаніямъ если не историческую значительность, то, по крайней мѣрѣ, необыкновенную занимательность.

ствуесть изъ Латинскихъ и Нѣмецкихъ источниковъ, принадлежащихъ Католикамъ и Протестантамъ. А потому, по всей справедливости, Гуситскіе Писатели XVI и XVII стол. заслуживали меньше вниманія, нежели Гаекъ, безстыдный, но ученый и изумительный богатствомъ своихъ матеріаловъ.

Во вторыхъ, показанія Гуситскихъ Писателей, продолжаетъ г. Елагинъ «потому особенно важны, что, будучи уже Протестантами, они «не имѣли никакой причины объяснять церковныя волненія Чехіи «прямымъ вліяніемъ Восточнаго Каѳоличества, кромѣ уваженія къ убѣжденію своихъ отцевъ и дѣдовъ.» Да тѣ изъ Гуситскихъ писателей, которые стали подъ знамена Протестантизма, и не думали вовсе ссылаться на Восточную Церковь при объясненіи религіознаго вопроса въ своемъ очечествѣ. Они крѣпко держались вѣроученія Лютера, и смотрѣли на Грековъ, какъ на отщепенцевъ отъ Апостольскаго исповѣданія Вѣры, исключая немногихъ ученыхъ, въ которыхъ сходились они съ Восточною Церковію. Такъ именно смотрѣли на религіозныя волненія Чехіи сочинители книги О тяжкихъ страданіяхъ, въ которой г. Елагинъ напрасно отыскиваетъ прямыя указанія на Грековосточное Православіе. Они сочувствовали Грекамъ только въ общей ненависти и тѣхъ и другихъ къ Папству и Церкви Латинской—вопросъ историческій. Отрицаніе Папы, какъ Верховной Главы Христіанства, вотъ великая точка соприкосновенія, вѣчно дружившая послѣдователей Лютеровой доктрины съ духовными чадами Церкви Грекороссійской. Самъ Лютеръ съ похвалою отзывается о *Москвитянахъ и Бѣлоруссахъ*, которые, по мнѣнію его, потому только не соглашались на соединеніе съ Римомъ, что соблазнялись этимъ мнимымъ первенствомъ Епископа Римскаго ⁴. Когда получила начало знаменитая Унія, Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій немедленно вступилъ съ Протестантскими сектами въ Польшѣ: Чешскими Братьями, Лютеранами и Кальвинистами, въ важные переговоры, имѣвшіе цѣлію соединеніе ихъ съ Православною Церковію. Въ посланіи, писанномъ къ нимъ по этому случаю, между прочимъ, сказано, слѣдующее: «Вамъ извѣстно, что я всегда былъ на сторонѣ Протестантовъ, хотя не имѣлъ къ тому прямого повода. Теперь же, когда нѣкоторые неразумные члены нашего духовенства приступили къ Уніи Римской, я сильнѣе убѣдился въ необходимости соединенія съ вами. Братья! Бѣдствія, васъ

⁴ *Luther's Schrift vom Pabstthum zu Rom, wider August. v. Aleveld. Walch, XVIII, §, 2, 1199; §. 95, 1244.*

поражающія, должны быть и нашими, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время подвергается великой опасности не одна ваша Вѣра, но и всѣ Христіанскія Исповѣданія, права и свободы, *ибо Паписты и Римляне незаконно присвоили себѣ имя Католиковъ, похищенное у Греческой Церкви.*» Острожскій вѣрилъ въ возможность произвести соединеніе Нѣмецкаго Протестантизма съ Русскимъ Православіемъ. Но здѣсь-то сказалось глубокое разъединеніе между тѣмъ и другимъ; всѣ раздѣльныя черты выступали ярко снаружи, какъ скоро терялась изъ виду Латинская Церковь, внѣшній двигатель единенія. Представители обѣихъ сторонъ понимали лучше Острожскаго всю невозможность союза, такъ сказать, отрицательнаго, основаннаго только на общемъ чувствѣ непріязни къ Католической Церкви. Когда начальники трехъ Протестантскихъ общинъ явились въ Вильнѣ въ Соборную залу, настоятель Дубровскаго монастыря, Исаакъ, немедленно обратился къ Турновскому, Епископу Братъевъ, и дружески протянулъ ему руку съ такими словами: «Привѣтствую тебя, не смотря на то, что Св. Писаніе запрещаетъ общиться съ еретиками.» И хотя Князь Острожскій и старался разсѣять непріятное впечатлѣніе, произведенное словомъ игумена на умы Реформатовъ, и въ пламенной рѣчи побуждалъ ихъ къ прочному соединенію, однако Бѣлогородскій Митрополитъ, Лука, подтвердилъ еще съ болѣею силою, что соединеніе со стороны Православныхъ не можетъ состояться подъ условіемъ отреченія отъ собственной Вѣры. Турновскій съ своей стороны отвѣчалъ, что, *Восточная Церковь въ ученіи своемъ сходится во многомъ съ Евангелической, преимущественно въ томъ положеніи, что не признаетъ главой Церкви Римскаго Антихриста, а только одного Иисуса Христа.* Въ вѣтѣхъ словахъ опредѣлились истинныя отношенія обѣихъ Церквей. Моравскіе Братья, принявшіе Протестантскую Вѣру, до того ненавидѣли Латинскую Церковь, что не хотѣли имѣть съ ней ничего общаго, упорно отказывались отъ всякаго участія Рима въ крещеніи Чешской земли, хотя Римская Церковь въ то время, въ лицѣ избранныхъ членовъ и самаго Папы, наравнѣ съ Греками, крѣпко держалась преданій Апостольскихъ. Но, отвращаясь отъ Запада, они не щадили Востока. Коменскій отзывался съ ненавистію о Рокицанѣ, виновникѣ великаго соединенія съ Византійскою Церковью, возводя на него обвиненіе въ двукратномъ предательствѣ и отреченіи въ пользу Католиковъ изъ побужденій, не совсѣмъ безкорыстныхъ. На самый союзъ съ Патріархомъ онъ смотритъ, какъ на мѣру безвременную, не соотвѣтствующую потребностямъ Церкви Гуситской.

Упомянувъ о благосклонномъ приѣмѣ, сдѣланномъ Рокицаной двумъ Грекамъ, бѣжавшимъ въ единовѣрную Прагу послѣ взятія Константинополя Турками, и о дозволеніи имъ служить литургію, онъ прямо обвиняетъ самихъ Православныхъ въ уклоненіи отъ Правовѣрія и во многихъ суевѣрныхъ обрядахъ: «Tedy se ukazalo, jak rovně u Řeků náboženství mnohými pověrami jest obtíženo (str. 50).» Это все отъ того, что Коменскій и сочинители книги *О тяжкихъ страданіяхъ* принадлежали къ той половинѣ Чешско-Моравскаго Братства, которая не только не признавала благотворнаго вліянія Греціи на религіозныя убѣжденія Чеховъ, а требовала совершеннаго преобразованія Церкви на новыхъ началахъ. По крайней мѣрѣ бракъ духовенства, употребленіе роднаго языка при Богослуженіи, и кое-что подобное не суть еще признаки сочувствія къ Грекославянскимъ преданіямъ, ибо въ той же мѣрѣ относятся и къ Лютерову преобразованію Вѣры. Авторъ статьи объ исторіи Чехіи весьма хорошо понималъ несовмѣстность Протестантскаго взгляда Коменскаго и его сотрудниковъ съ мнимымъ сочувствіемъ ихъ къ Православнымъ преданіямъ, и въ безполезныхъ усиліяхъ примирить два враждебныя начала впадаетъ въ явныя противорѣчія, на пр., съ какою цѣлію Протестантскіе Гуситы стали бы «напоминать современникамъ о ложныхъ убѣжденіяхъ, которыя нѣкогда одушевляли отцевъ ихъ?» Еще непонятнѣе мысль г. Елагина, что Чешскіе Братья, переродившіеся въ Лютеранъ, «мало по малу начинали отвыкать на чужой сто-ронѣ отъ своихъ народныхъ мнѣній, но еще не считали ихъ заблужденіемъ.» Стало бытъ, чтобъ оправдать заблужденія предковъ, они измѣняли своей совѣсти, или, обольщали самихъ себя. Ни то, ни другое предположеніе несогласно съ глубокимъ уваженіемъ, какое постоянно выказываетъ къ нимъ сочинитель.

Итакъ вѣроятно, что Палацкій, подъ именемъ позднѣйшихъ писателей, разумѣетъ не Коменскаго и безыменныхъ сочинителей книги *О тяжкихъ страданіяхъ*, но скорѣе ту половину Чешско-Моравскаго Братства, которая твердо хранила преданія отцевъ и ученіе Гуса. Укажу на Билѣвскаго, Странскаго, ревностныхъ противниковъ Католицизма, жившихъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Въ 1627 г. Странскій удалился изъ Праги съ другими изгнанниками, покинулъ разоренное отечество и кончилъ жизнь свою въ Пруссіи учителемъ Торунской Гимназіи. Шестая глава его Чешской Державы (*Respublica Bohema*) служить любопытнымъ свидѣтельствомъ, какъ истинный послѣдователь ученія Гусова смотритъ на религіозныя движенія въ своемъ отече-

ствѣ. Онъ признаетъ Грековосточную Вѣру Вѣрой отцевъ, насажденной Учителями Православія, Кирилломъ и Меѳодіемъ, съ любовію слѣдитъ Православную мысль отъ начала Христіанской Исторіи Чехіи до исхода XIV столѣтія, и самаго Гуса считаетъ ея представителемъ. Здѣсь рѣзкая противоположность съ возрѣніемъ Коменскаго, который въ Лютерѣ видитъ избранное орудіе Божіе для очищенія Вѣры, и Римской Церкви придаетъ прямо названіе языческой, по Лютеранскому обыкновению ⁵. Но показанія Странскаго, взятая отдѣльно, еще менѣе заслуживаютъ вѣры. Если Братья-Протестанты не имѣли причины ссылаться на Восточную Церковь, то, на оборотъ, Гуситы Православные легко могли прибѣгать къ натяжкамъ, чтобъ доказать, что Грековосточная Вѣра никогда не переставала быть общенародною въ Чехіи.

Вопросъ историческій оживляется въ статьѣ г. Елагина особенною теплотою чувства. Онъ упрекаетъ Палацкаго въ неуваженіи «къ историческимъ мнѣніямъ Гуситскихъ Писателей, запечатлѣннымъ кровавыми страданіями.» Но если, по собственному сознанію автора, «есть заблужденія, глубоко западающія въ душу людей и цѣлыхъ народовъ,» если подѣвліемъ религіозной фантазіи, обнимающей не только отдѣльныхъ сектаторовъ, но и цѣлыя племена, въ минуту высшаго возбужденія ихъ духовной силы, рождаются вымышленныя теоріи, передѣлывающія на свой ладъ историческіе факты, исторія не должна увлекаться личнымъ пристрастіемъ, не должна выходить изъ круга мірскихъ отношеній, въ которыхъ исключительно суждено ей вращаться. Положимъ, чистѣйшая Евангельская истина воплотилась въ цѣломъ рядѣ подвижниковъ Вѣры Гуситской; но Царству Христову нѣтъ дѣла до міра сего, и голосъ народа въ этомъ случаѣ не бываетъ голосомъ Божіимъ. Какъ вожди народа гонимаго, котораго лучшая половина облеклась во образъ Апостольской нищеты и въ великое званіе служителей слова, они, конечно, должны были имѣть роковое вліяніе на убѣжденія современниковъ и ближайшаго потомства. Но вѣрованія цѣлыхъ поколѣній, звучація изъ древней жизни народа, какъ отдаленный уже отголосокъ, при всей своей величавости, не въ состояніи поднять старину, почившую во мракъ неуловимыхъ воспоминаній. Гуситскіе Писатели XVII столѣ-

⁵ Обыкновенно считаютъ Странскаго послѣдователемъ Лютерова вѣроученія; но это мнѣніе ни на чемъ не основано. Онъ говоритъ только, что Лютеръ очистилъ ученіе Латинской Церкви; но сочувствіе его къ Церкви Грековосточной не оставляетъ никакого сомнѣнія въ его истинномъ образѣ мыслей.

тія не слишкомъ были разборчивы въ опредѣленіи истиннаго характера предшествовавшихъ имъ религіозныхъ волненій; они писали не Исторію своего народа, а житія своихъ мучениковъ; не довольствуясь собственной святыней, похищали чужія сокровища. Въ противномъ случаѣ, какъ объяснить, что въ числѣ противниковъ Западной Церкви, на ряду съ Людмилой и Вячеславомъ, является Войтъхъ, свирѣпый разрушитель всего Православнаго не въ одной только Чехіи, но и въ Польшѣ, Моравіи, Угріи?

Стало быть, за справедливость идеи, высказанной одной половиной Гуситскихъ писателей XVII столѣтія о непрерывности Грекославянскихъ преданій въ Чехіи, можетъ ручаться не личность писавшихъ, а только положительная истина, извлеченная изъ современныхъ источниковъ. Здѣсь бы слѣдовало, кажется, привести въ порядкѣ хронологическомъ всѣ тѣ событія первыхъ столѣтій Христіанской Исторіи Чеховъ, въ которыхъ выражаются мнѣнія, близко подходящія къ ученію Грековосточному, представить ихъ въ стройной картинѣ задушевной жизни народа, какъ порожденія его внутренней силы, постоянно противодѣйствовавшей іерархическимъ формамъ Западной Церкви. Эту обязанность налагалъ на критика уже самый вопросъ, поставленный имъ во главѣ своего разсужденія. Какъ говорить о послѣднемъ звенѣ завѣтной цѣпи, соединяющей два противоположныхъ полюса историческаго міра народа, не сказавши ни слова о первыхъ? А сочинитель статьи объ Исторіи Чехіи постоянно указываетъ на мнѣніе Гуситскихъ писателей, какъ на общее мнѣніе всего народа, завѣщанное древнею жизнію Чеховъ, еще сильно дѣйствовавшее на нихъ въ началѣ XV столѣтія, но оставляетъ его въ свѣтѣ слишкомъ загадочномъ, не приводитъ въ пользу его почти ни одного доказательства. Отчетливо разобранъ у него только первый вопросъ Христіанской Исторіи Чехіи, о томъ, что правительственное подчиненіе Риму не мѣшало чистотѣ Православныхъ убѣжденій Мееодія. Вообще, онъ съ любовью созерцаетъ зародыши духовной жизни въ Чешскомъ народѣ, но нигдѣ не слѣдитъ за трудными годами ея болѣзненной юности, не обращаетъ надлежащаго вниманія и на періодъ зрѣлаго мужества и полнаго развитія ея жизненныхъ силъ въ первой половинѣ XV столѣтія, а все свое вниманіе сосредоточиваетъ на печальной эпохѣ ея преждевременной старости, принужденной отказаться отъ участія въ жизни и слиться насильственно съ ненавистнымъ Протестантизмомъ. Только нѣсколько частныхъ замѣчаній о Православіи въ Чехіи до Гуса разбросаны по разнымъ частямъ разсужденія г. Елагина. Всѣ они сходятся въ одной главной мысли: объ Евхаристіи подѣ обоими ви-

дами. Но здѣсь необходимо замѣтить, что догматъ о Чашѣ, хотя и заимствованный изъ Греческой Церкви, какъ сказали Табориты Энею Сильвію, далеко не исчерпываетъ еще полноты Православнаго исповѣданія въ Чехіи; и подводитъ всю Исторію Церкви въ этой странѣ подъ одинъ этотъ догматъ—есть лучшее средство лишить ее всякаго права на сочувствіе къ Грековосточной. Извѣстно, что отнятіе Чаши у мірянъ въ Западной Церкви послѣдовало въ 1215 году на Латеранскомъ Соборѣ; развѣ Чехи, воспитанные въ древнемъ преданіи Апостольской Церкви, не могли удержатъ этого догмата, какъ мѣстный обычай, и въ подкрѣпленіе истины его ссылаться на примѣръ Церкви Грековосточной? Во многихъ странахъ, искони подчиненныхъ владычеству Рима, удержались же до позднѣйшихъ временъ частныя отступленія отъ общихъ обычаевъ Западной Церкви⁶. Если, съ 1419 года, Чаша сдѣлалась девизомъ Гуситства и знаменіемъ отторженія отъ Рима; если, по словамъ позднѣйшаго писателя, Чехи столько росписывали Чашъ по всему пространству земли своей, что они, какъ будто признали надъ собою верховное владычество Вакха, то это происходило отъ самой наглядности этого догмата, служившаго для неразумной черни осязательнымъ символомъ разъединенія съ Римомъ. И дѣйствительно, сколько ужасовъ совершено въ Чехіи во имя Животворящей крови Спасителя! Мы не одобряемъ Католиковъ, бросившихъ камень на Гуситскаго священника, несшаго св. Дары въ раздѣльныхъ видахъ хлѣба и вина, но еще менѣе сочувствуемъ изступленію народа, который безъ нужды разнашивалъ по улицамъ святое знаменіе Искупленія. Если въ этой только неразумной привязанности къ внѣшнему символу выражалось сочувствіе къ Православію, то Православіе, съ своей, стороны, должно отказаться отъ опаснаго братства, грозящаго оскверненіемъ Тайнства въ святотатственномъ боготвореніи черни. Какъ всякое великое явленіе нравственной жизни имѣетъ свою изнанку, такъ благотворное явленіе Гуса не обошлось безъ разрушительныхъ элементовъ, внесенныхъ въ него служителями грубой, физической силы, и они-то освятили свои

⁶ Во многихъ привилегированныхъ Церквахъ Западнаго Патріархата хранилась даже Евхаристія подъ обоими видами. См. объ этомъ Лапфана (*Hist. du Conc. de Basle*, I, l. 5, p. 64). Корнова въ *Замѣчаніяхъ на Странскаго* (II, 1792 г. p. 37), указываетъ на Лѣтописца Козьму, который, и послѣ знаменитаго декрета Григорія VII о безбрачій Духовенства, не разлучался съ женою, Божетъхою, не смотря на то, что онъ былъ ревностнымъ поборникомъ Западной Церкви. Но 1) самый фактъ еще подлежитъ сомнѣнію. 2) Если Козьма былъ женатъ, то женился прежде запрещенія Папскаго.

увлеченія внѣшнимъ символомъ Чаши. Съ другой стороны, лучшая половина Церкви Гуситской, уступившая требованіямъ Западной, позволить свободное принятіе Евхаристіи подъ однимъ, или обоими видами, на томъ основаніи, что въ каждомъ раздѣльномъ видѣ заключается вся сила Таинства, во многомъ приготовила равнодушіе къ догмату *rod obojí*, въ послѣдствіи овладѣвшее Гуситами и сроднившее ихъ съ Лютеранскою Вѣрою. Точно также употребленіе роднаго языка при Богослуженіи не есть еще свидѣтельство въ пользу Православнаго характера религіознаго броженія Чехіи. Въ духовной жизни Русскаго челоука онъ дѣйствовалъ охранительно, вносилъ великое связующее начало въ разрозненныя стихіи общественнаго быта; но въ Чехіи ему предоставлено было разыграть несравненно важнѣйшую роль. Тамъ вдохновенное слово проповѣдника, представителя мысли народной, завѣщанной древнею жизнію, оживляло уснувшія воспоминанія въ сердцахъ воспріимчивыхъ слушателей, будило въ нихъ вѣщіе звуки давно уже умолкнувшаго, но все еще знакомаго голоса, которымъ нѣкогда смиренная Православная Вѣра смягчала умы язычниковъ Чешскихъ. И такъ, не въ Богослуженіи, а въ вѣчно юной проповѣди, совершалась апопееза роднаго языка, какъ всеобъемлющаго орудія мысли. Она-то согрѣвала разумнымъ сознаніемъ одинокіе обряды, не для всѣхъ понятныя; она-то поддерживала въ лучшихъ членахъ народа привязанность къ отжившимъ преданіямъ, къ святому завѣту предковъ, гонимому и страждущему потомству. Въ этой внутренней связи языка, какъ внѣшняго символа, съ убѣжденіями народа, лежала возможность непрерывнаго сохраненія и живаго увѣковѣченія Православія въ Чехіи. Исторія сохранила немного именъ людей, посвятившихъ себя въ Чехіи служенію слова. Устами Гуса впервые раздается *всенародная* проповѣдь съ убогой скамьи благовѣстника въ Виелеемской часовнѣ⁷. Она приготовила дружное возстаніе народа на Римскую Церковь; камень, брошенный въ Чашу, несенную Гуситскимъ священникомъ, былъ только внѣшнимъ, случайнымъ поводомъ къ окончательному разрыву. Въ характерѣ ученія Гуса и въ большемъ, или меньшемъ сочувствіи, оказанномъ ему народомъ, скрывается разгадка всего прошедшаго Чехіи. Если въ проповѣди его откликнулись вопросы Православія, и если въ народѣ сказалось сочувствіе къ этимъ вопросамъ, то значитъ, духовныя сѣмена Вѣры, посѣянныя Меѳодіемъ, не истребились, а сохранили свою возраждающую силу и ждали только внѣшняго

⁷ «Praedicavi populo per regnum Bohemiae et specialiter Praegae Evangelium J. Christi.» De sacr. Corp. et Sangu. Domini. Hist. et Mon. Hus. I, 38, на обор.

двигателя, чтобы сильно воздѣйствовать въ жизни. И такъ, для опредѣленія Православной идеи въ развитіи Чешскаго народа, необходимо обозрѣть: 1) всѣ указанія на Грековосточные обряды и обычаи, отъ введенія Христіанской Вѣры въ Чехіи до Гуса. 2) Обозрѣть въ главныхъ чертахъ дѣятельность самаго Гуса. Обратимъ вниманіе на то и другое отдѣльно.

Теперь не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, что Православіе составляло нѣкогда первоначально Исповѣданіе всѣхъ Славянскихъ племенъ. Первые начатки Вѣры Христовой занесены къ Хорватамъ, Словенцамъ и Моравамъ изъ Западной Церкви; но полное торжество Христіанства совершилось у нихъ уже съ появленіемъ Кирилла и Меѳодія, да и самое начало ихъ обращенія совпадаетъ со временемъ благословеннаго единства церковнаго на Востокъ и Западъ. Но Булгары, Сербы, Русскіе, Чехи и Поляки искони были духовными чадами Церкви Византійской. Изъ Булгаріи съ одной стороны, изъ Велико-Моравіи съ другой, распространялась литургія Славянская по всѣмъ сосѣднимъ вѣтвямъ Славянскаго племени. Весьма замѣчательно, что только Польша и Чехія впервые и непосредственно приняли крещеніе изъ рукъ Св. Меѳодія. О Польшѣ это достовѣрно извѣстно изъ Паннонскаго его житія. Въ тамошнихъ церковныхъ молитвахъ Кириллъ и Меѳодій до сихъ поръ называются просвѣтителями Польской земли. Чехія до Меѳодія оставалась въ язычествѣ, потому что крещеніе 14 Леховъ въ Рѣзвѣ, 1-го января, 845 года, при Дворѣ Людовика Нѣмецкаго, какъ частное дѣйствіе, вынужденное политическою необходимостію, не имѣло никакого вліянія на убѣжденія народа ³. Положимъ, что они привели съ собою Нѣмецкихъ священниковъ въ югозападные предѣлы Чехіи; но этѣ послѣдніе, по непріязненнымъ отношеніямъ Леховъ къ Вышеградскому или Пражскому В. Князю, не имѣли возможности трудиться надъ обращеніемъ всей массы народной. Не далѣе какъ черезъ годъ (846), войско покровителя ихъ, Людовика Нѣмецкаго, потерпѣло сильное пораженіе въ Чехіи. При этомъ случаѣ, если они и успѣли подъ охраною Короля начать свою Латинскую проповѣдь, то Князь и народъ, еще сильно преданные язычеству и, по примѣру Полабскихъ собратьевъ своихъ, считавшіе Латинскую пропаганду только средствомъ наложенія на нихъ Нѣмецкаго ига, конечно воспользовались случаемъ очистить землю свою отъ незваныхъ гостей. Итакъ, неосновательно мнѣніе Па-

³ См. Чтенія 1846, № 9-й, Кириллъ и Меѳодій, Славянскіе Просвѣтители, стр. 11; прим. 22. Geschichte d. Reform. in Polen. v. Gr. Valer. Krasinsky. 2, 5.